

Кэти Свит

**РЕБЕНОК ИЗ ПРОШЛОГО.
ШАНС НА СЕМЬЮ**

УДК 82-3
ББК 84-4
С24

Свит К.
С24 Ребенок из прошлого. Шанс на семью / Кэти Свит – М.: Литнет, 2025. – 228 с.

ISBN 978-5-521-94215-2

-Если ты не подпишешь согласие на операцию, твоя дочь умрет! - Давлю на бывшую. - Да плевать. Надо было в роддоме оставить. Пожелела мелкую, идиотка. -Ты вообще слышишь себя? - Едва сдерживаю злость. - Там твоя дочь умирает! По твоей вине! -Она моя такая же, как и твоя. - Шипит зло. -Что. Ты. Сказала? - Теряю дар речи. -То, что слышал, - ухмыляется злобно. -Эта девочка... - Стараюсь подобрать слова. - Моя дочь? -Твоя, - цедит со злостью. отворачивается к окну. А затем срывается с места и убегает.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94215-2

© Литнет, 2025
© К. Свит, 2025

Глава 1. Кирилл

– Кир, ну наконец-то я до тебя дозвонился! – в динамике раздается голос моего старого друга, с кем мы вместе учились ещё в школе.

– Дим, если мир не собирается рухнуть, то перезвони через час, – прошу его.

Я безумно устал, ночка выдалась аховой. Но ничего удивительного, ведь я же в пару с Хмельницким попал!

– К нам маленькую девочку привезли с химическим ожогом пищевода, – продолжает Ланской. – Мать не в адеквате, отказывается подписывать согласие на операцию, без нее мы не вытаскиваем малышку.

– Так вы можете по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни, – напоминаю о прописных истинах.

– Так и хотим, – соглашается друг. – Но сам понимаешь, какие могут быть после этого проблемы.

– Понимаю, – говорю, садясь на кровати. Голова раскалывается просто трюндец.

Я уже забыл, когда нормально спал в последний раз! Дежурства, смены в клинике, обязанности заведующего... Не расхлебашь!

– Слушай, ну постарайся найти отца, – предлагаю ему. – Попро-буй у него согласие выцепить.

– Тут без вариантов, – Ланской слишком резко отвечает.

– Почему? – удивляюсь.

У меня такой случай в практике был. У годовалой девочки началось послеоперационное осложнение, мать впала в истерику и отказывалась что-либо подписывать, но мы с Хмельницким смогли достучаться до отца ребенка, он понял, что без операции малышка погибнет, и подписал все, что нужно. Мы с Саньком провели сложнейшую операцию, пошли на огромный риск, но все-таки вытащили девочку из цепких лап смерти.

Мать потом со слезами на глазах приходила, каялась из-за отказа и от всего сердца благодарила нас за спасение жизни ее дочери.

– Дим, ищи отца, – настойчиво говорю другу. – Он подпишет согласие, и ты лишишь себя кучи проблем.

– Кир, в свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк, – мигом осаждает меня.

– Хреново, – озвучиваю свои мысли.

– Еще как, – соглашается друг.

– А мать там совсем неадекват? – уточняю на всякий случай.

– Полный! – своим заверением Ланской раз и навсегда разбивает остатки надежды на легкое спасение.

– Что конкретно с ребенком? – спрашиваю зачем-то. Хотя я прекрасно знаю зачем.

В клинике, где сейчас работает Димка, нет специалистов, которые смогут провести подобную операцию.

Им нужен грамотный торакальный хирург. Коим я и являюсь.

– Мать утверждает, что ничего, – откровенно злится Ланской. – По гастроскопии там сильнейший ожог гортани и пищевода.

– А бронхоскопию делали? – спрашиваю, пытаясь прикинуть масштаб проблемы.

– Да, – говорит недовольно. – Там незначительные локальные ожоги.

– Ребенок что-то понюхал и решил выпить? – спрашиваю у него. – Мать не уследила?

– Не мать, бабушка, – поясняет друг. – Но ту сразу же по «скорой» увезли в кардиологию, с сердцем начались проблемы.

– Веселые у тебя, смотрю, пациенты, – ухмыляюсь.

– Сегодня что-то они все как на подбор, – говорит друг. – И это мы еще до Нового года не дожили.

– Ой, не говори! – соглашаюсь.

В своем отделении, видимо, самая «веселая» смена достанется именно мне. Ну не буду же я ставить на дежурство семейных на праздники, когда сам один.

Поэтому придется отдуваться за всех разом.

– Кир, приезжай, – Дима высказывает свою просьбу без каких-либо уловок и увиливания. – Без тебя мы не справимся. Сам понимаешь.

– Да куда ж там без меня, – отвечаю ему ухмыляясь. – Вот говорил же тебе! Переходи к нам! – Снова давлю на больную мозоль. – У нас в реанимации Хмельницкий и Карпов зашиваются!

– Пока не могу, – коротко бросает мне. – Они ж тут без меня угробят детвору! – выдает свои мысли.

– Все, Дим, я собираться пошел, – прерываю его муки совести. – Считаю, уже выезжаю.

– Спасибо! – благодарит с жаром.

– Должен будешь, – усмехаясь, говорю. – Я с тебя так просто не слезу!

– Знаю, – соглашается со мной. – Проси, что захочешь.

– Об этом позже, – отмахиваюсь. Время не терпит. – Иди, анализы делай, да ребенка к операции готовь.

Попрощавшись со старинным другом, силой воли спихиваю себя с кровати, переодеваюсь в уличную одежду и, быстро сдлав кофе, сваливаю из квартиры. Перекусить и по дороге смогу.

Глава 2. Кирилл

Путь до частной клиники, где меня ждет Ланской, занимает гораздо меньше времени, чем я рассчитывал. Я готовился к пробкам, нервнякам на дороге и прочим «прелестям», но нет. Не проходит и двадцать минут, как я уже захожу в отделение.

– Как девочка? – интересуюсь с порога.

– Неважно, – честно отвечает мне друг.

– Понятно, – хмурюсь сильнее. – Согласие удалось получить? – снова задаю болезненный вопрос.

– Нет, – отрицательно крутит головой. – Мать не станет ничего подписывать.

Смотрю на Димку и понимаю, что придется самому попробовать переубедить мать, которая так и не дает согласие на операцию. Прежде, чем идти на риск, я должен убедиться, что других вариантов не осталось.

– Где она? – в лоб спрашиваю у него.

– Кто? – Ланской растерянно спрашивает.

Мой друг зашиваетеся, и я это прекрасно вижу, но у нас нет времени вдаваться в подробности и проговаривать каждое действие.

– Мать девочки, – поясняю.

– Вот, сидит, – показывает в сторону холеной с виду женщины. – Ты что задумал? – интересуется, понимая, что я не стану задавать подобные вопросы просто так.

– Согласие пойду выбивать, – говорю прямо.

– Кир, там без вариантов, – печально сжимает губы Димон. – Она не в себе.

– Конкретнее, – уточняю.

– Под сильнодействующими веществами, – поясняет недовольно.

Оу... Как интересно...

– Пойду поговорю, – все же стою на своем. Нам нужно ребенка спасти, и пофиг, если мать не в адеквате.

Не сводя внимательного взгляда с сидящей ко мне спиной женщины, замечаю, что она не бедствует. Да там весь ее внешний вид буквально кричит об этом!

Брендовые шмотки, дорогая и качественная обувь, даже элементарная сумка стоит не меньше пяти моих зарплат.

– Добрый день, – здороваюсь с матерью пострадавшей девочки.

Она поворачивается ко мне, и на лице появляется самый настоящий ужас.

– Кирилл? – Ахает, не отрывая удивленного взгляда с меня.

– Он самый, – киваю. Присматриваюсь внимательнее к сидящей передо мной женщине, но благодаря усилиям косметолога и тонне косметики, не понимаю, какой она раньше была.

А голос-то кажется мне знакомым... Только раньше он звучал нежнее, без прокуренности, что проявилась сейчас.

– Вы кто? – хмурюсь. Мы точно знакомы.

Женщина дергается от моих слов, как от пощечины. Глаза тут же наливаются кровью.

– Игнатов, ты совсем охренел?! – Взрывается моментально.

И тут я узнаю ее...

– Лана? – Уточняю, не скрывая своего шока. – Это ты?!

– Я! – моя бывшая произносит с вызовом, встает на ноги. Но на высоких каблуках устоять не так просто, а в ее состоянии – так совсем не вариант.

Успеваю подхватить девушку до того, как она упадет.

– Аккуратнее, – прошу ее. – Нам еще не хватало тебя в травму везти.

– Отвали! – шипит, вырываясь из моих рук. Садится обратно на кресло для посетителей, отряхивается, словно я ее испачкал.

– Зачем приперся? – спрашивает зло.

– Ты не подписываешь согласие на операцию дочери, – в открытую обозначаю цель своего визита.

– И что? – ухмыляется. – Имею право! – цедит сквозь зубы. – Пусть сдохнет! Достала меня!

Слышу слова бывшей и едва сдерживаюсь, чтобы не поднять ее за плечи и не встряхнуть хорошенечко несколько раз.

– Если ты не подпишешь, твоя дочь умрет! – давлю на бывшую.

– Да плевать. Надо было в роддоме оставить. Пожалела, идиотка.

– Ты вообще слышишь себя? – едва сдерживаю злость. – Там твоя дочь умирает! По твоей вине!

– Она моя такая же, как и твоя, – шипит зло.

– Что. Ты. Сказала? – теряю дар речи.

– То, что слышал, – ухмыляется.

– Эта девочка... – стараюсь подобрать слова. – Моя дочь?

– Твоя, – цедит со злостью и отворачивается к окну. – Да чтоб вы все сдохли! – шипит зло. – Жить нормально не даете! Вечно поганите мне все!

Глава 3. Марина

Выполняя указание медсестры, спешу, что есть мочи по коридору в детское торакальное отделение. У меня в руках каталка, на которой находится годовалая малышка, и мне безумно горько, когда я смотрю на нее.

Ей больно. Ей плохо. А я никак не могу помочь!

Сердце обливается кровью...

Если бы не ее непутевая мать, то Евочке уже давно могли оказать грамотную профессиональную помощь, но та отказывается, блин, от всего! В особенности, от операции, которая просто жизненно необходима ребенку.

Матери Евы по голове хочется надавать. Вот честное слово!

Я даже подумать не могла, что бывают такие ужасные матери, как она. Как хорошо, что в нужный момент рядом с малышкой, помимо нее, оказалась бабушка, которая не стала спускать произошедшее на самотек, вызвала «Скорую», и девочку доставили в больницу.

Жаль, что мать врачам сделать ничего не дает.

Единственное, что нам остается – это верить в лучшее и надеяться, что все разрешится. Мы ждем врача, который сможет спасти Еву, и надеемся только на чудо...

– Ты совсем из ума выжила?! – до моего слуха доносится мужской голос, который я просто не могу не узнать.

Резко поворачиваю голову на звук, вижу Кирилла и застываю на месте. Ноги тут же вырастают в пол.

– Подписывай! – Игнатов сует под нос сидящей в кресле женщине документы. – Если не подпишешь, твоя дочь умрет! – говорит грозно, у меня мурашки бегут по рукам.

В полном шоке смотрю на заведующего детского хирургического отделения больницы, в которой работает мой старший брат, и не могу поверить глазам.

Его не должно быть здесь! Ни при каких обстоятельствах!

– Наша, Кир, – зло ухмыляется сидящая перед ним женщина.

Наша?.. У Игнатова есть ребенок?..

Как так?!

Мир рушится на тысячи мелких осколков. Я пытаюсь собрать разбитое сердце, но у меня ничего не выходит. Боль сковывает грудную клетку, становится трудно дышать.

И вдруг я понимаю, про кого именно говорят...

Пол из-под ног уплывает.

– Девушка, с вами все в порядке? – спрашивает стоящая рядом медсестра.

Перевожу на нее расфокусированный взгляд и едва заметно киваю. Во рту пересохло, сказать ничего не могу.

– Лифт сейчас приедет, – продолжает медсестра. – Вам дальше нельзя будет.

– Почему? – с трудом выдавливаю из себя.

– Только родственники, – отрезает.

Блин... Как же Евочка там будет одна?

– Ты скрыла от меня дочь и теперь не даешь мне ее спасти! – до меня доносится полный злости мужской голос. – Думаешь, я буду просто стоять и смотреть, как она умирает?!

Широко раскрыв глаза, смотрю на хирурга, которого здесь в принципе быть не должно, это частная клиника. Кирилл оперирует совсем в другом месте.

Врач малышки заверил, что вызовет лучшего хирурга, но я и подумать не могла, что это будет Он.

Очень хочется помочь... Очень! Но я понятия не имею как.

Игнатов нависает над мамой пострадавшей девочки, от него исходит такая сильная ярость, что страшно показываться на глаза.

Хочется спрятаться.

Малышка на каталке начинает плакать. А ей, блин, нельзя!

В операционную нужно отвозить. Спасать срочно! Реанимация переполнена, я вообще в шоке, как девочка жива до сих пор.